

Г. В. МАРКЕЛОВ

Жизнеописание пермогорского крестьянина И. С. Карпова*

В громадной толще отечественной мемуаристики мемуары русских крестьян составляют самый тонкий, исчезающе тонкий слой. Такие сочинения, а тем более опубликованные, можно просто пересчитать по пальцам. К числу этих редкостей, вышедших за последние годы, можно, например, отнести книгу «Воспоминания крестьян толстовцев. 1910—1930-е годы», выпущенную издательством «Книга» в прошлом году и мгновенно ставшую из-за малого тиража («всего» 75 000 экз.) библиографической редкостью. Когда я говорю о мемуарах крестьян, я имею в виду, разумеется, тех авторов, которые не просто выводят, так сказать, корни своего происхождения из грунта российского крестьянства — таких авторов-мемуаристов ныне едва ли не большинство, а же говорю о тех мемуаристах, которые, родившись крестьянами, прожили всю жизнь в деревне, разделив с нею собственную судьбу, испытав на себе все, что Провидению было угодно сотворить с данной частью русского народа.

К числу именно таких мемуаров следует отнести и Жизнеописание красноборского крестьянина Ивана Степановича Карпова. Мемуары свои он написал в начале 70-х гг., когда ему было уже за 80 лет. Умер Иван Степанович в 1986 г. в возрасте 98 лет и похоронен у себя на родине в Пермогорье Красноборского района Архангельской области.

Рукопись его жизнеописания хранится в Древлехранилище Пушкинского Дома в Красноборском собрании за номером 162. Текст представляет собой машинопись, второй экземпляр, 130 страниц, перепечатанных через один интервал. Общий объем рукописи около 8 авторских листов, на полях и оборотных сторонах листов имеются исправления и примечания, сделанные рукой самого Ивана Степановича. Кроме того, здесь же хранится краткая автобиография Карпова, а в фонде Николая Петровича Борисова в Рукописном отделе Института имеется два письма Карпова к Николаю Петровичу от 1971 и 1972 гг. Именно Николаю Петровичу Борисову мы обязаны тем, что рукопись Карпова оказалась в нашем распоряжении. Николай Петрович, сам уроженец того же Красноборского района, в один из своих наездов на родину через местного краеведа Сергея Ивановича Тупицына¹ познакомился с Карповым, уже тогда глубоким старцем. Именно

* Доклад, прочитанный на традиционных Малышевских чтениях в Пушкинском Доме 17 апреля 1990 г.

¹ В красноборской районной газете «Знамя» И. С. Тупицын опубликовал в 1988 г. (номер от 13 сент.) в рубрике «Свидетельство очевидца» одну из глав мемуаров И. С. Карпова под заглавием «Тогда, в 37-м...», описывающую арест Карпова и его пребывание в лагере НКВД.

Николай Петрович, оценив по достоинству рукопись Карпова, посоветовал Ивану Степановичу переслать ее в Дрeвлехранилище Пушкинского Дома Владимиру Ивановичу Малышеву, что и было сделано в 1972 г. Владимир Иванович, прочитав Жизнеописание Карпова, начертал на листке собственноручно: «Рукопись читателям не выдавать», листок был вложен в папку, а папка с рукописью поставлена на полку Красноборского фонда, где она и простояла благополучно 16 лет, до прошлого года. В прошлом году рукопись была извлечена и помещена на выставке в Дрeвлехранилище, рядом с родственными материалами, хранящимися у нас: дневниками, записками, письмами севернорусских крестьян. Записки Карпова привлекли внимание посетителей выставки, и у сотрудников Дрeвлехранилища выросло убеждение в том, что карповские мемуары следует предать публикации. Такова предыстория, но прежде чем приступить непосредственно к рассказу о мемуарах Карпова, я позволю себе прочитать следующие отрывки:

«Отец ми бысть священник Петр ... прилежаше пития хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаще мя страху Божию... Потом мати моя овдовела, а я осиротел... Изволила мати меня женить, аз же молихся да даст ми жену-помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина же, беспрестанно во церковь ходила... в скудости живяше и моляшесь Богу... Посем мати моя от'иде к Богу в подвизе велице... Аз же от изгнания преселихся во ино место...».

Этими знакомыми всем словами начинается Житие протопопа Аввакума (отрывки цитировались по автографу Аввакума, хранящемуся в Пушкинском Доме).

А вот отрывки из рукописи Ивана Степановича Карпова, написанные им без малого триста лет спустя после пустозерского узника: «Мама ходила по церквам, заказывала молебны, сама усердно со слезами молилась... Отец редко находился дома — то у соседей курит табак, то в кабаке... Ни слезы мамы, ни угрозы бабушки отца не трогали, и он не мог остановиться пьянствовать... Мама какими-то судьбами научилась славянским буквам... Она часто садилась с Псалтырью и пальцем водила по буквам... стали [и] меня учить алфавиту...» — это с первой страницы рукописи Карпова. Далее он напишет о том, как погиб, покончив с собой, от пьянства отец, как позднее мать найдет Ивану Степановичу невесту в соседней деревне — дочь бедного псаломщика.

Собственно на этом сходство двух судеб русских людей из российской сельской глубинки, разделенных тремя веками, заканчивается: один уйдет в Москву и окончит свою жизнь государственным преступником на костре, оставшись великим русским писателем, другой — безвестный — проживет почти 100 лет в родных северодвинских местах, испытая на себе все ошеломляющие события нашей новейшей истории. Соединит обоих вновь решение, венчающее их такие разные жизни: каждый из них напишет свое житие, и обе рукописи заботами В. И. Малышева займут свое место в Дрeвлехранилище Пушкинского Дома.

Обратимся к рукописи И. С. Карпова. Вот основные события описанной им жизни: 1888 г. в деревне Звягинской Ляховской волости (Пермогорье) Сольвычегодского уезда в бедной крестьянской семье рождается сын Ваня. Мать, натерпевшись от родовых мук, дает обет послать мальчика, если выживет, на год в Соловецкий монастырь. Ваня — 11-й (последний) ребенок в семье. С 1896 г. Ваня Карпов учится 4 года в приходской школе.

В 1902 г. мать отвозит сына в Соловецкий монастырь, где мальчик целый год учится пению в монастырском хоре. По возвращении домой Иван нанимается учеником к деревенскому столяру. Лишившись отца, покончившего жизнь самоубийством, семья Карповых впадает в полную

нищету, и Иван в 1910 г. уходит пешком в Великий Устюг, где пристраивается певчим в архиерейский хор.

В 1912 г. Иван Степанович, уже назначенный псаломщиком церкви в соседней деревне, женится, пытается завести кое-какое свое хозяйство, рождается первая дочь.

События 17-го года в рукописи Карпова никак не отражены. Вероятно, крутая ломка жизни начинает приходиться позднее. Карпов описывает некоторые драматические эпизоды гражданской войны, но это уже 18—20-й гг. Известно, что он был призван в армию, демобилизовался в 1918 г.

Значительно подробнее у Карпова описаны 20-е гг.: здесь и деятельность деревенских активистов, и становление первых колхозов. Эпизоды носят то трагический, то трагикомический характер, впрочем, первых больше. Конец 20-х гг. Закрываются церкви, Карпова изгоняют из собственного дома. Коварство и злобное невежество односельчан, попытки (едва ли не первым в районе) наладить пчеловодство. Судьбы деревенских священников. Издевательства. Служба по найму пчеловодом в одном из совхозов. Наконец — от неизбывной нужды — Иван Степанович уезжает в Архангельск, где устраивается на деревообделочную фабрику. Здесь его в 1936 г. арестовывают и без суда и следствия отправляют в лагерь. Три года в лагере НКВД, чудесное (иначе не назовешь!) освобождение, возвращение в родную деревню к семье. Затем — война, на которой один за другим погибают сыновья. Послевоенные годы никак не затронуты в воспоминаниях Карпова. Были ли они описаны автором, пока неизвестно.

Вообще рукопись составлена неровно. У Карпова то широкие мазки повествования, емкие, обобщающие, сочные; то он переходит к мелким эпизодам, расцветивая полотно живыми и точными деталями. Нет в его Жизнеописании и стройности литературного сюжета, какой бы то ни было обработанности слога: как вспоминалось, так и писалось. Не заботился Иван Степанович и о красотах стиля. Но удивителен феномен его книги — раз вчитавшись, уже не отставишь в сторону, а прочитаешь целиком, сразу и до конца, насладившись (если так позволительно выразиться о трагедийном повествовании) подлинностью, невыдуманностью, правдой крестьянского рассказа.

Подспудно при чтении Карпова возникают две главные темы: разрушение и конечная утрата русской православной крестьянской культуры и отсюда — разрушение основ крестьянского быта и бытия. Страшные в своей неодолимости и безысходности темы. Авторы этого апокалиптического разрушения известны. О них за последнее время многое предано гласности. Но в Жизнеописании Карпова нет проклятий разрушителям и осквернителям. Ужасается Иван Степанович молчаливому согласию и покорности своих односельчан. Вот характерные отрывки из его текста:

«В 24 году осенью в день праздника урожая была районная ярмарка и выставка сельского хозяйства и районных изделий. Меня и еще из соседнего прихода крестьянина ... обязали организовать отдел пчеловодства... Я привез улей своей работы, медогонку, по стенам развесили гербарий цветов. Такая редкость для населения, привлекает всех... Тут вдруг разнеслась тревога: на рынке горит! Народ побежал на рыночную площадь, а там книги жгут! Наложена огромная куча книг, а сверху соха. Как это люди могли равнодушно смотреть на такую картину — не жалеют такой ценности. Хотя книги и духовно-нравственного содержания, но зачем их уничтожать! А соха столько лет была помощницей — кормилицей мужика. Таков был дух общевства того времени».

Именно равнодушие к творимому безумию поражает мемуариста. Спустя десять лет Карпов становится свидетелем не менее кошмарного эпизода:

«В 34 году перед Пасхой была объявлена антипасхальная неделя. Учителя, члены сельсовета и актив обязаны были обойти все дома колхозников с разъяснением о Пасхе как суеверном пережитке старых некультурных людей и чтобы Пасху ничем не отмечали, не украшали ничем своих квартир, не пекли ничего праздничного. В пасхальную ночь всем колхозникам выйти на субботник... В церкви на заутрене запели первую песнь канона „Воскресения день“, и вдруг заиграла гармонь. Трое комсомольцев стоят на лавке с гармонью. Народ возмутился, но все были женщины-старушки. Колхозники все были на субботнике по вывозке на поле навоза. Священник вышел из алтаря и заявил, что он не может совершать богослужение, пойдёмте, православные, из церкви. (На крыльце) ... член райисполкома, председатель колхоза с трехметровой доской. Отобрали у сторожа ключ и приколотили на двери доску, и церковь закрылась навсегда... В час ночи я пошел домой, народ весь на полях — возят навоз... я решил обойти колхозников в сторону кустарников и так прошел незамеченным».

Фантазмагорическая картина: пасхальная ночь и люди, разбрасывающие в темноте навоз по полям, — нечто совсем уже за гранью всякого смысла, впрочем, эпизод вполне символический для советской деревни. Разумеется, с чего-то все это начиналось, и в Жизнеописании Карпова мы находим описание событий периода гражданской войны. С неизменной лапидарностью Иван Степанович пишет:

«Полк, который размещался в нашем приходе, ушел на фронт, остался один отряд чекистов под начальством Хаджи-Мурата. По сведениям Мурат занимался реквизицией имущества больших торговцев и объехал всю Двину. Он с отрядом из 10 человек квартировал зимой в доме нашего прихожанина в полуверсте от церкви. У него был склад привезенного имущества: ... одежда, мануфактура, комоды, гардеробы, зеркала. Бойцы его — черноусые здоровенные молодцы и такие же при них солидные красавицы дамы. Страшно было подходить к дому хозяина, в котором они квартировали. Но удивились мы, когда в Пасху ... сам начальник ... приложился ко Кресту и поздравил нас с праздником, а потом подошли к Кресту все бойцы его и дамы».

И еще один отрывок карповских мемуаров, относящийся к началу 20-х гг.: «Органами власти была произведена инвентаризация церковного имущества и отобраны церковные богослужебные сосуды, имеющие большую ценность. Оставлены самые простые ... один Крест, один потир, одно кадило. Не забуду того дня, когда представитель райисполкома зашел в храм Божий с грязным мешком, не снимая головного убора, своими руками с престола и жертвенника поклат священные сосуды в мешок. Закурить в храме постеснялся — закурил в паперти, а мы, провожая мешок со св. сосудами, чувствовали сожаление до слез... Вручили нам анкеты ... (с вопросами) отношение к религии, лояльность к советской власти, классовая принадлежность, происхождение... Заполняешь эти ответы и подозреваешь, что этот учет требуется власти для какого-то над нами насилия, а тут еще по Двине от Архангельска до Котласа регулярно рейсирует броненосец „Светлана“ с чрезвычайной комиссией; забирает уже известных лиц на пароход, и в первую очередь священников. Немногие из них отсиделись, но большинство из них съездили на крейсере „Светлана“ до Архангельска и обратно. Какой там гостеприимный прием оказалась ЧК, сразу можно было определить по наружности ездивших на „Светлане“. Протоиерей Красноборской церкви с рыжей бородой вышел со „Светланы“ совершенно белый, а другие долго не забудут синяков на своем теле».

Единственный эпизод в воспоминаниях Карпова, в котором отразилась попытка крестьян отстоять свои честь и достоинство, относится к 28 г.:

«...начали организовываться Комитеты бедноты из членов самых бедных хозяйств... К нашим... крестьянам приехал организатор колхоза и объявил, что колхозы будут созданы только для бедняцкой части, и зажиточные и выше среднего и лишенцы в колхоз не войдут ... Не решившимся сразу записаться организатор говорит, что „суши сухари“. Это означало, что выселяется с территории колхоза на другой участок... На собраниях комбедов выносились постановления о ссыпке хлеба в общие амбары... Большинство крестьян было не согласны ... (тогда) всех несогласных арестовали. На следующий день собрался ... ляховцы и черевковцы и составили от имени всех прошение об освобождении невинно арестованных, но ответа не получили. На другой день все собравшиеся пошли с целью добиться освобождения арестованных. Толпа была около 150 человек. Их предупредили, что это будет рассматриваться как выступление против советской власти, но толпа близко подошла к райисполкому, по ней дали залп из винтовок, 6 человек убили, 25 ранили. Остальные бросились бежать, кто куда мог...».

Происходившие события самым непосредственным образом отражаются на судьбе Карпова. После закрытия церкви он лишается дома и хозяйства. В колхоз его как лишенца не принимают. Тогда семья Карпова делает попытку обратиться в одну из коммун. Вот как описывается этот эпизод Карповым:

«Были в Красноборском районе и с/х коммуны. Поехали мы с женой ... посмотреть бытовые условия коммунаров и хозяйственный порядок... Подходя к дому, увидели навоз, мух рой — нельзя рот открыть. Зашли в дом (конфискованный для коммунаров у священника) ... Посредине коридор, по ту и другую сторону комнаты, отделенные одна от другой тесовыми досками. Почти у каждого в люльке качается ребенок. От сушки детских постелей запах — глаза слезит. Тараканов очень много. Захолонуло у нас сердце. Зашли на кухню. Повариха готовит обед. Накрошила картошки, нарезала селедок и луку и вложила в 3-ведерный котел, закрыла крышкой от мух, а мухи густым роем кружатся над котлом — мы не стали дожидаться обеда. Поехали на дневном пароходе домой с унылым настроением и упадком духа. Куда приклонить голову с семьей в 8 человек?».

12 декабря 1936 г. Карпова арестовывают и без всякого суда и следствия отправляют в Онеголаг НКВД на Пуксу. Несколько страниц Жизнеописания Карпова посвященные этим страшным трем годам жизни. Можно полагать, что мемуарист о многом, самом страшном, умалчивает, опасаясь за свою судьбу и сохранность рукописи. Поражает насыщенная лапидарность текста. Так, Карпов пишет: «Одному из нас — арестантов — ударило верхушкой падающего дерева по голове, и он даже не трепенулся и не проявил никаких признаков жизни. И никто не соболезновал, а желал себе такой безболезненной смерти. Опасность со всех сторон». Иное перо почерпнуло бы из этих нескольких строк материал для рассказа или повести. Подобные примеры можно бесцельно множить.

Рамки устного выступления не дают возможности привести красочные описания цветущей и духовно насыщенной (до революции, естественно) жизни Соловецкого монастыря, глубокие размышления Карпова о церковном пении, духовных концертах русских композиторов, о пророческих снах, о пчеловодстве. Описание трагических событий своей жизни Карпов перемежает воспоминаниями о крестьянской ежедневной работе, о быте и праздниках в деревне. Приведу несколько отрывков, связанных с этнографическими (как мы это сейчас называем) подробностями жизни:

«...когда дожали последний сноп овса, оставляли немного овса несжатого, навивали пучок и приговаривали кому-то в подарок, не знаю кому, вероятно, какому-то дедушке-домовому. Последний сжатый сноп дедушка приносил

домой и ставил под божницу за столом. Мама зажигала лампаду и благодарила Бога...»;

«...поставили (нового) коня в конюшню, пришел дедушка утром к коню, а он лежит ногами под яслями и весь укатался в навозе. Дедушка каждое утро чистил коня, но повторялось одно и то же. Для работы конь неплохой. И решил дедушка и отец, что коня мучит „домовой“. Этот домовой в каждом доме живет и одних коней любит, а других мучит. Решили и этого вороного променять»;

«...дедушка стал дряхлеть, часто ходил на печь отдыхать, но и по силам работал; ему было тогда 83 года, он был мастером складывать рожь в скирды и знал какой-то заговор против мышей, чтобы они не трогали хлеба».

Отрывок о «народной медицине»:

«...придумали люди против малярии много домашних средств. Первое средство: нужно сильно испугать человека. Второе средство: нужно срубить елку или сосну и тащить по земле за вершину в задор сучьям, и если встречный человек спросит, почему тянешь за вершину, тогда больной бросает елку и быстро бросается наутек, а лихорадка переходит на встречного человека. Но этот способ разгадали и стали молча проходить при встрече с елками... Третий способ: набрав воды в рот, идти до Красноборска, отворачиваясь от встречных и неся с собой битую корчагу или горшок, и, если спросят, зачем и куда несешь горшок, его нужно разбить (да он и так битый)... Под горой прямо Лябельской церкви из горы течет маленький ключик, зимой замерзает много льда. За этим льдом приходили из соседних приходов и шли молча, отворачиваясь от встречных, поили больных после нашептывания этой водой».

В северной деревне не обходились, естественно, без колдуна. Но вот каким причудливым образом сошлись крестьянское суеверие и новая колхозная жизнь в эпизоде, описанном Карповым:

На пасеке украли мед. «...колхозники знали, что Шиловский мед украд (Шиловский — агент НКВД, активист из правления колхоза. — Г. М.), но из-за боязни навлечь на себя месть со стороны Шиловского придумали очень мудрую историю. В Тимошине — в 25 верстах от Ляхова был знахарь-колдун Демид, он был у населения на авторитетном счету, точно указывал, где найти краденое, где найти потерявшуюся скотину, к нему обращались... и он точно знал и верно указывал. Идти к нему не собирались, а послали двоих, более надежных, с наказом никуда не ходить, а сказать, что ходили к Демиду и колдун Демид сказал, что молодой хромой парень с бабой унесли мед и закопали в подполы в завалину. На собрании обсудили вопрос, и вина пала ясно на Шиловского, он же хромой и туловище набокое. Осмелились идти к Шиловскому с ломом в подполье, нашли все 65 рамок. Дело передали в суд. Суд присудил 7 лет лишения свободы...».

В первой главе «Архипелага ГУЛАГ» Александр Солженицын, повествуя об ошеломляющей катастрофе крестьянства в сталинской России, писал: «...мужики — народ бессловесный, бесписьменный, ни жалоб не написали, ни мемуаров...». Рукопись И. С. Карпова в какой-то мере опровергает это утверждение писателя. Все описанное Карповым не выдуманно. Тяготы и лишения своей жизни Карпов переносил стойчески, не отрекаясь от веры и убеждений. Он мог бы сказать о себе словами библейского Иова: «...наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращаюсь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (1, 21). В Жизнеописании Карпова нет нагнетания ужаса и проклятия мучителям. Оно проникнуто светлым духом христианской доброты и надежды, и в этом отношении его труд имеет глубокий учительный смысл.

Как и что подвигло старика — северодвинского крестьянина — описать свое «житие», Бог весть. Аввакумом руководило его «равноапостольское» призвание. Карпов сосредоточен на обстоятельствах частной жизни. Но для нас воспоминания Карпова — один из замечательных памятников русской мемуарной прозы, памятник подлинной литературы, взывающей к современному читателю.